

С. А. Фомичев

ПУШКИНСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА

ЗНАК
Москва
2007

АКЫН ПУШКИН

«Причины особой популярности “Письма Татьяны”, — заметил академик М. П. Алексеев, — подлежат, очевидно, специальному анализу. Нельзя не припомнить в этой связи широко известную у нас историю перевода отрывков из “Евгения Онегина” на казахский язык Абаем Кунанбаевым (1889), из которых один — именно “Письмо Татьяны” — приобрел необычайно широкую популярность в Казахстане в самой широкой среде»¹.

Беспрецедентному культурному феномену, здесь отмеченному, действительно посвящена обильная литература на казахском и русском языках². Однако абаевские переводы рассматривались вне общего контекста разноязычного «Евгения Онегина».

Если в странах Западной Европы имя Пушкина стало известно еще при его жизни, то даже на Ближнем Востоке первые следы такого знакомства относятся к самому концу XIX века. Инициатива при этом шла из России. Первым, наверное, так и не дошедшим до Турции (совершенно неудачным), опытом стали переводы «Бахчисарайского фонтана» и «Талисмана», выполненные востоковедом Иосифом Зраком и изданные в Петербурге литографическим способом в 1868 году. В 1890 году в Стамбуле вышли «Метель» и «Пиковая дама» в переводах выпускницы восточного факультета Казанского университета О. С. Лебедевой

¹ Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 358.

² См.: «...И назовет меня всяк сущий в ней язык...». Наследие Пушкина и литературы народов СССР. Ереван, 1975. С. 330–336.

(«Гюльнар де Лебедефф»), отредактированных турецким писателем Ахмедом Митхадом³. Столетие русского поэта, широко отмеченное по всей России, предопределило появление переводов из Пушкина на языках восточных народов, проживавших в пределах империи: на татарском языке был издан перевод Махамеда Салима Умидбаева «Бахчисарайского фонтана» (1899), чуть позже появился перевод Абдулмана Рахманкулова «Сказки о рыбаке и рыбке» (1901)⁴. Те же произведения по-узбекски были напечатаны в 1899 году в приложении к газете «Туркестанские ведомости» (Ташкент)⁵.

На этом фоне и следует воспринимать абаевские переводы, не связанные с юбилейным официозом и возникшие по внутреннему «вызову»⁶. Они созданы не позже 1889 года и тем самым стали одним из истоков новой казахской литературы, родоначальником которой был Абай Кунанбаев.

Перу Абая принадлежат восемь онегинских фрагментов. Три из них достаточно близки к оригиналу: «Облик Онегина» (гл. 1, строфы X—XII), «Из слова Ленского» (гл. 6, строфа XXII), «Письмо Татьяны Онегину». Четыре фрагмента можно считать довольно свободным переложением соответствующих строк романа: «Ответ Онегина Татьяне» и «Слово Онегина» (гл. 4, строфы XIII—XVI), «Письмо Онегина Татьяне», «Слово Татьяны» (гл. 8, строфы XLIV—XLVII). И,

³ Белова К. А. Из истории переводов Пушкина в Турции // Творчество Пушкина и зарубежный Восток. М., 1991. С. 85. Те же произведения в переводе на татарский язык крымского наречия были изданы в Петербурге в 1899 году. См. также: Драганов П. Д. Пятидесятиязычный Пушкин. СПб., 1899. С. 35, 42—43, 46 и др.

⁴ Гайнуллин М. Х. Пушкин и дооктябрьская татарская литература // Пушкин и литература народов Советского Союза. Ереван, 1975. С. 481.

⁵ Грачева А. Д. Пушкин и туркменская литература // «...И назовет меня всяк сущий в ней язык...». С. 154.

⁶ Определение Б. М. Эйхенбаума. См.: Эйхенбаум Б. М. Лермонтов. Л., 1924. С. 28.

наконец, «Предсмертное слово Онегина» является свободной импровизацией казахского поэта на онегинскую тему⁷.

Так что же все это в совокупности? Лишь первые подступы к переводу романа в стихах, из разных глав которого выбрано в качестве заготовок впрок несколько фрагментов? Свободная вариация онегинского сюжета, который, по мысли Абая, должен привести к гибели героя? Или ряд самостоятельных стихотворений, не претендующих на фабильную увязку?

Впервые опубликованные посмертно в 1909 году, едва ли в том порядке, в каком они появились из-под пера Абая или в котором он предполагал разместить их сам, эти отрывки плохо выстраиваются в связный сюжет. Вполне очевидно (это в исследовательской литературе до сих пор не было отмечено), что они отражают два разных этапа работы казахского поэта над онегинской темой.

В самом деле, для чего иначе нужно было дважды, несколько по-разному, перелгать строфы из гл. 4, содержащие отповедь Онегина Татьяне («Ответ Онегина Татьяне» и «Слово Онегина»)? Столь же излишний параллелизм обнаруживается во фрагментах «Из слова Ленского» (едва ли Абай намечал самостоятельную разработку этого характера), «Письмо Онегина Татьяне» и «Предсмертное слово Онегина».

Если к тому же присмотреться к художественной форме абаевских фрагментов, то можно заметить, что половина из них строфически восходит к восточной традиции: «Из слова Ленского» и «Слово Онегина» написаны строфой рубаи (ааБа), «Облик Онегина» и «Предсмертное слово Онегина» состоят из сочетаний рубаи и газелей (в газели за первой зарифмованной парой стихов тянется несколько — в данном случае только два — двустиший с первым холостым стихом и вторым на ту же рифму: ааБаВа). Рубаи и газели — излюбленные формы персидской лирической поэзии,

⁷ Пушкин А. С. Тандамалы шыгармалар. екі томды (Пушкин в казахских переводах). Алматы, 1975. С. 216–232.

причем в лирике Абая, когда в одном стихотворении используются обе эти традиционные строфы, газель всегда является итогом его (см., например, стихотворение «Вот и старость... Свершиться мечтам не дано!..» — одиннадцать строк рубаи и итог: шестистроочная газель). В этом отношении особо интересна строфическая форма фрагмента «Облик Онегина», который, очевидно, был первым подступом Абая к «Евгению Онегину»: воспроизводя три неполные онегинские строфы, казахский поэт попытался дать их восточный метрический аналог. Здесь дважды повторяется четырнадцатистроочник, в каждом случае состоящий из двух рубаи на одну рифму и газели (ааБа ааВа ггДгЕг). Форма эта была уже несколько сбита в «Предсмертном слове Онегина», которое мы даем в собственном стихотворном переводе, не претендуя, разумеется, на его точность и изысканность, преследуя лишь единственную цель — наглядно представить строфическую структуру отрывка:

Нарядом праздничным шурша,
Моя любимая вошла.
Безумен я? — ее объятья
Меня согрели, сна лиша.
И замер я, едва дыша,
Но птицей вознеслась душа...
Из жалости поцеловала,
Последним горем сокруша.
Жестокою как стать смогла? —
Не оглянувшись, вмиг ушла;
Взнуздав все силы, затушила
Ты, видно, страсть свою дотла.
А я люблю, люблю сильнее!
Ну подскажи, что делать мне!
О мать моя, земля сырая,
Укрой меня — в бесстрастном сне
Душа моя навек остынет.
Нигде мне больше места нет...

Письма же героини и героя, а также «Слово Татьяны» состоят из четверостиший с перекрестными рифмами

(абаб), то есть написаны строфой, впервые введенной Абаем в казахскую поэзию с несомненной ориентацией на поэзию русскую, прежде всего пушкинскую. Они встраиваются в самостоятельный лиро-эпический сюжет, своеобразный роман в письмах, и щедро насыщаются национальной образностью. Только казашка могла бы сказать любимому так:

Ты был раненым тигром,
Я — малюткой-серной
И осталась едва жива,
Задетая твоими когтями.
Но как подумаю,
Что ты будешь страдать из-за меня,
То кипит,
Как медный казан, душа моя.

Подстать ей и абаевский Онегин:

Я словно раненый жильбарс
Умираю, пронзенный твоею стрелою...

Именно эти письма были положены самим Абаем на музыку и ушли в народ. Уже в начале XX века их слышали в казахских селениях, причем об истинных авторах (как русском, так и казахском) певцы-улейши даже не подозревали. Но и первый абаевский онегинский сюжет (заканчивавшийся «Предсмертным словом Онегина»), подхваченный сначала учениками Абая, потом свободно варьировался в импровизациях акынов⁸.

Все это свидетельствует об органическом усвоении казахской культурой романа в стихах Пушкина «Евгений Онегин» — очевидно потому, что он был сближен Абаем с многовековой традицией лиро-эпических поэм о трагической любви, таких как «Козы-Корпеш и Баян-Слу», с одной стороны, а с другой — с традиционными айттысами (поэтичес-

⁸ См.: *Исмаилов Е.* Народные казахские варианты «Евгения Онегина» // Вестник АН Казахской ССР. 1949. № 6 (51). С. 32–34.

кими песенными состязаниями) и жар-жар (свадебными обрядовыми песнопениями). Однако процесс культурных влияний всегда обоюден.

Размышляя над различными аспектами осмысления такого процесса, М. П. Алексеев напомнил:

Л. Н. Толстой признался однажды, что все удивительное совершенство пушкинских «Цыган» открылось ему тогда, когда он прочел поэму во французском переводе: сопоставление оказалось в данном случае причиной неожиданного открытия новых эстетических качеств в тексте хорошо знакомого подлинника. Это тонкое наблюдение могло бы быть положено в основу целой программы исследований (...)»⁹.

Так обстоит дело и с абаевскими переводами-вариациями.

Пушкин предвидел недоуменную реакцию отечественных читателей на письмо Татьяны, осмелившейся первой признаться в любви. Поэтому он тщательно готовил должное восприятие несветского поступка героини — «Душа ждала кого-нибудь, / И дождалась!»:

Воображаясь героиней
Своих возлюбленных творцов,
Кларисой, Юлией, Дельфиной,
Татьяна в тишине лесов
Одна с опасной книгой бродит,
Она в ней ищет и находит
Свой тайный жар, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхает, и себе присвоя
Чужой восторг, чужую грусть,
В забвеньи шепчет наизусть
Письмо для милого героя... (VI, 55).

И письмо, как мы помним, Татьяна (русская душою!) пишет по-французски, а автор вынужден давать

⁹ Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. С. 352.

Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный,
Или разыгранный Фрейшиц
Перстами робких учениц (VI, 65).

Следовательно, перелагая по-казахски письмо Татьяны, Абай усугубляет сложность процесса взаимодействия разных культур. Он, конечно, оставляет за строкой упоминание об иноязычном тексте письма, но несомненно знает об этом, не видя, однако, в поступке *своей* героини ничего необычного. Разве в лирическом восточном эпосе девушка — только пассивный предмет поклонения? Разве она не умеет бороться за свое счастье, за счастье своего любимого?

При первом знакомстве с Татьяной Онегин удивлен, что его друг, поэт и мечтатель, увлечен не ею, а Ольгой. Читатель романа мог удивиться и тому, что Ленский оставил героиню равнодушной. Вероятно, в Онегине безошибочным чувством она угадала подлинное страдание, бесприютность, неприкаянность, которые требовали защиты. Об этом, пытаясь разобраться в своем чувстве, она напишет в письме:

Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала,
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души? (VI, 67)

И чувство это не могло быть не усилено признанием Онегина, в ответ на письмо:

Скажу без блесков мадригальных:
Нашед мой прежний идеал,
Я верно б вас одну избрал
В подруги дней моих печальных,
Всего прекрасного в залог,
И был бы счастлив... сколько мог!
Но я не создан для блаженства (...). (VI, 78).

Чутким сердцем Татьяна и здесь угадала, за наигрышем и аффектацией, искреннее страдание, которое взывает к защите. Все это в полной мере сохранено в абаевском переводе.

Давно замечено, что в русской литературе ее Золотого века идеалы писателей наиболее полно воплощались в женских образах. Социологическая (а отчасти и религиозно-философская) критика до некоторой степени разъяснила, почему выходило так: для героического начала русская повседневная жизнь, строго регламентированная единодержавием, не оставляла простора инициативной деятельности. В сфере же семьи и вообще — в общественно-нравственной сфере благотворная роль женщины была очевидна. Недаром именно в русской философии вызрела идея «Вечно-Женственного», оплодотворившая русскую поэзию века Серебряного. В такой перспективе подчас оценивалась и пушкинская Татьяна¹⁰.

С пушкинских времен не утихают споры, «права или не права» Татьяна, исчезнувшая с глаз Онегина и читателей с невольным признанием:

Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна (VI, I88).

Пушкин же вспомнит в последней строфе романа:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.
Без них Онегин дорисован.
А та, с которой образован
Татьяны милый Идеал...
О много, много Рок отъял! (VI, I90)

Когда-то слова великого персидского писателя были взяты эпиграфом к поэме «Бахчисарайский фонтан». Однако Пушкин несомненно знал, что в 1827 году внимание правительства привлекла одна из статей журнала «Московский телеграф»:

¹⁰ См.: *Позов А.* Метафизика Пушкина. Мадрид, 1967. С. 21–46.

В эти два года много пролетело и исчезло тех резвых мечтаний, которые веселили нас в былое время. (...) Смотрю на круг друзей наших, прежде оставленный, веселый, и часто (...) с грустью повторяю слова Сади (или Пушкина, который нам передал слова Сади): «Одних уж нет, другие странствуют далеко!»

Немедленно П. А. Вяземский (автор этого пассажа) получил выговор. «Я не могу поверить, — возмущенно откликнулся Д. Н. Блудов, — что вы, приведя эту цитату и говоря о друзьях умерших или отсутствующих, думали о людях, справедливо пораженных законом; но другие сочли именно так, и я представляю вам самому догадываться, какое действие способна произвести эта мысль»¹¹. Несомненно, именно на подобное «действие» Пушкин и рассчитывал!

Это отбрасывает особый свет на содержание последних глав романа. Пушкин прощается со своими героями в самом начале 1825 года. Готовы ли они достойно встретить неминуемые события? Подобно Гамлету в трагедии Шекспира, который провидчески умен в силу того, что автор доверил ему заранее предугадать все грядущие хитросплетения событий, — так и Татьяна у Пушкина бесконечно мудра своим сердцем.

Тема верности в последекабристскую эпоху наполнилась особым смыслом. Татьяна психологически готова к подвигу русских женщин, который стал самой яркой страницей в общественной жизни первых лет николаевского царствования. Не о том ли размышлял Пушкин, обрывая многоточием последнее упоминание о Татьяне?

Опуская некоторые сюжетные коллизии и не касаясь событий русской истории, Абай в своей интерпретации пушкинского произведения в полной мере сохраняет его гуманистический пафос, который, возможно, ему как восточному человеку был по-особому внятен. Поэма о любви в классических ее образцах (будь то «Лейли и Меджнун»,

¹¹ Вацуфо В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». М., 1972. С. 142–44.

«Фархад и Ширин» или «Козы-Корпеш и Баян-Слу») была поэмой высших нравственных откровений. Абаю, как и Пушкину, незачем «оправдывать» Татьяну, мудрую в своем нравственном предвидении: она готова защитить мир от разрушения. И сердце безошибочно подсказывает ей единственно правильный шаг, как бы ни желали мы ей счастья. В неблагоприятном мире простых решений не бывает.

К концу XIX века «Евгений Онегин» уже не раз был переведен в разных странах мира. Но именно Абаю довелось интуитивно найти новый путь в освоении пушкинского шедевра — как оказалось, весьма перспективный.

Вот несколько примеров, взятых почти наугад.

Тукай, успевший к тому времени перевести несколько пушкинских стихотворений, в 1911 году напишет:

В голове вертится несколько замыслов новой поэмы.
Только пока еще ум не может переварить ее. В конечном
итоге должен бы получиться «Евгений Онегин» по-татарски,
в татарском духе и с татарскими героями¹².

Онегинское начало пронизывает «Поэму о белой вороне» эстонской поэтессы Б. Альвар (1931; позже она переводила пушкинский роман в стихах)¹³, как и роман туркменского поэта А. Кекилова «Сойги» (1945–1962)¹⁴.

В 1980-х гг. появился в печати (и уже переиздан) роман в стихах молодого американского поэта (выходца из Индии) Виграма Сета «Золотые ворота», написанный онегинской строфой; фабульно этот роман из современной жизни со-

¹² См.: *Гайнуллин М. Х.* Пушкин и дооктябрьская татарская литература // Пушкин и литература народов Советского Союза. Ереван, 1975. С. 484

¹³ См.: *Пярли К. К.* Из истории рецепции поэзии А. С. Пушкина в Эстонии в 1930-е годы // Проблемы пушкиноведения. Рига, 1983. С. 165.

¹⁴ См.: *Кулиева Н.* Пушкинские традиции в романе «Сойги» А. Кекилова // «...И назовет меня всяк сущий в ней язык...». С. 243–247.

вершенно самостоятелен, но на лирическом, исповедальном уровне хранит онегинскую культурную память:

О как играет, как поет
Сквозь джонстоновский перевод
«Онегин» — пушкинское слово,
Шипучей радости глоток,
Кастальский ключ для этих строк
(пер. А. Чернова)¹⁵.

Преображение иноязычных произведений в купели национальной традиции, возможно, открывает перспективу становления мировой литературы не в качестве механической суммы слагаемых, а в виде органического единства общечеловеческой культуры. Роман в стихах Пушкина, вобравший опыт мировой литературы, функционально наращивает его¹⁶.

¹⁵ Чернов А. Мир познает Пушкина // Известия. 1993. 3 июля.

¹⁶ Выражаю глубокую признательность Бахджамал Тулигенов-не Байкеновой за помощь, оказанную в работе над этой статьей.